

Люй Бувэй молча разглядывал Цинь Цзычу. Прошло довольно много времени, но он так и не отвёл тяжёлого, испытующего взгляда.

Цзычу внутренне напрягся. Он прекрасно понимал: перед ним прожжённый, невероятно проницательный делец. Попытаться безупречно сыграть хладнокровие перед таким человеком — верная смерть. Гораздо разумнее дать волю преувеличенным эмоциям, чтобы окончательно сбить лиса с толку.

Он тут же изобразил крайнее смущение. Под пристальным взглядом Люй Бувэя юноша начал испуганно суетиться, выказывая всё большее беспокойство и не зная, куда деть руки.

— Великий наставник Люй, со мной что-то не так?

Цинь Цзычу уставился на него широко распахнутыми глазами. Его взгляд, чистый и мягкий, казался невинным, словно у новорождённого оленёнка. В нём сквозило безграничное доверие и детская покорность — всё точно так же, как и прежде.

Люй Бувэй тут же спрятал маску проницательности, подавив внезапно промелькнувшее в душе сомнение. Он хлопнул Цзычу по плечу и раскатисто расхохотался.

— Мой принц, вы стали чаще бывать в свете и наконец-то взяли за ум! Ваше взросление для меня — приятнейшая неожиданность.

Цинь Цзычу расплылся в улыбке, так и сияя от детского восторга из-за полученной похвалы. Он порывисто схватил Люй Бувэя за руку, лежавшую на его плече, и взволнованно заговорил:

— Старший министр Линь — известнейший мудрец в царстве Чжао! Пусть наши государства и враждуют, я, Ижэнь, давно преклоняюсь перед его величием и мечтаю о встрече. Великий наставник, не могли бы вы устроить нам свидание? Это исполнило бы мою заветную мечту!

Люй Бувэй с мягкой улыбкой высвободил ладонь, но ответил решительным отказом, заговорив тоном заботливого покровителя:

— Вы заблуждаетесь, мой принц. Стычки между Царством Цинь и Царством Чжао не прекращаются ни на миг. Более того, до меня дошли слухи, что в ближайшие дни Царство Цинь начнёт крупное наступление. Сейчас вам следовало бы затаиться как можно глубже. Зачем вам искать встречи с Линь Сянжу, который в своё время не раз наносил оскорбления нашему правителю? Оставьте эти мысли, это совершенно исключено.

На лице Цинь Цзычу отразилось глубокое разочарование. Он жалобно заглянул собеседнику в глаза и тихо взмолился:

— Но Великий наставник... Я слышал, что старший министр Линь при смерти. Мне лишь

хочется увидеть его, пока не угасла последняя искра его жизни. Это помогло бы мне обрести покой.

— Довольно об этом, мой принц!

Люй Бувэй мгновенно посерьёзней. Его лицо сделалось суровым. Он холодно взирал на Цинь Цзычу до тех пор, пока юноша в испуге не отвёл взгляд. Лишь тогда купец смягчился и ободряюще похлопал его по тыльной стороне ладони.

— Вы ещё слишком молоды и не знаете, сколь коварны люди. Вы можете сколько угодно восхищаться Линь Сянжу, но чжаосцы спят и видят, как бы сжить вас со свету. В этой усадьбе доверять можно только Люйцяо. Держитесь к ней ближе.

Лицо Цинь Цзычу мгновенно утратило все краски. Он беспомощно уставился на Люй Бувэя, крепко сжал его пальцы и лишь беззвучно зашевелил задрожавшими губами, растеряв все слова от страха.

Вглядываясь в это красивое лицо, Люй Бувэй почувствовал, как его сердце дрогнуло. Ижэнь, похожий сейчас на трепещущую, перепуганную птицу, вызывал в нём щемящую жалость. Он накрыл своей ладонью мягкие, похолодевшие от страха пальцы юноши и согревал их, пока те вновь не потеплели. Лишь тогда он произнёс удивительно ласковым голосом:

— Пока я рядом, вам не о чем беспокоиться. Я клянусь, что доставлю вас в целости и сохранности к госпоже Хуаян и наследному принцу. Вы вернётесь в Царство Цинь и будете купаться в роскоши и почёте.

— Хорошо. Я во всём положусь на вас, Великий наставник.

Цинь Цзычу покорно опустил ресницы, выказывая полное согласие.

Видя его покладистость, Люй Бувэй решил, что окончательно выбил из головы принца глупые фантазии. Однако он всё ещё опасался, как бы Ижэнь своей излишней тревогой не вызвал подозрений у стражников, дежуривших у ворот. Чтобы отвлечь его, купец поспешил добавить:

— Раз уж вы решили перебраться в кабинет, я велю немедленно прислать вам бамбуковые свитки. Знаю, вы никогда не жаловали учение, но книги помогут скоротать унылые дни.

Цинь Цзычу безучастно кивнул и вяло поддержал разговор ещё на пару минут, всем своим видом показывая полное равнодушие к чтению.

Люй Бувэй, глядя на его нерадивость, мысленно досадовал на никчёмность своего подопечного. Ссылаясь на неотложные дела в лавке, он поднялся и поспешил откланяться.

— Великий наставник!

Проводя гостя до дверей, Цинь Цзычу вдруг ухватил его за широкий рукав и с некоторой нерешительностью произнёс:

— Прошу вас, передайте моим прежним собутыльникам... Чжао Цзи тяжела. Отныне я намерен оставаться дома и заботиться о супруге, так что времени на пустые гулянки у меня больше нет.

Люй Бувэй ожидал, что перепуганный Ижэнь, напротив, бросится искать забвения в разгульных пирушках. Весть о том, что принц решил запереться в четырёх стенах, вызвала у него искреннее облегчение. На губах дельца заиграла довольная улыбка.

— Я непременно передам им ваши слова, мой принц. Вы приняли очень мудрое решение.

Он быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, заговорщицки прошептал:

— Чжаоских солдат, что сопровождают вас на прогулках, я уже щедро одарил. Если вам станет совсем неважно сидеть взаперти, можете изредка выбираться в город. А на мелкие расходы я оставлю вам ещё триста золотых.

— Великий наставник, вы невероятно добры ко мне.

Цинь Цзычу впервые обратился к Люй Бувэю с неподдельной благодарностью. Он без лишней скромности принял увесистый кошель с золотом и надёжно спрятал его в потайной карман своего широкого рукава. После этого он с глубоким почтением проводил благодетеля до ворот.

Глядя, как тяжёлые створки ворот со скрипом сходятся перед его лицом, Люй Бувэй тяжело вздохнул.

Как купец, исходивший Поднебесную вдоль и поперёк, он обладал исключительным чутьём и подмечал малейшие изменения вокруг. Слухи о том, что Царство Цинь стягивает продовольствие и военные грузы к границам, не давали ему покоя, хоть чжаоский двор пока и пребывал в безопасности.

Он прекрасно понимал: начнись война, уцелеет ли Царство Чжао или падёт — неважно, но Ижэню в Ханьдане точно не жить.

Будь Ижэнь один, Люй Бувэй не раздумывая пустил бы в ход всё своё состояние, подкупил бы стражу и вывез принца в Царство Цинь. Но теперь дело принимало скверный оборот: Чжао Цзи оказалась беременна!

С тех пор как она перешла от него к принцу, не прошло и двух с половиной месяцев. Срок в два месяца оставлял невыносимую неопределённость — чьё дитя она носит в своём чреве?

Хуже того, стоило Ижэню узнать о её беременности, как он тут же спешно покинул роскошную спальню и перебрался в холодный пустой кабинет. В глазах любого это выглядело как жест величайшего трепета и обожания к супруге.

Когда наступит час побега, Люй Бувэй при всём своём богатстве не сможет тащить за собой обременённую плодом женщину. А ну как Ижэнь наотрез откажется спастись без неё? Что тогда делать?

При мысли об этом Люй Бувэй нахмурился. В его душе шевельнулось глухое отвращение к бывшей наложнице. На кону стояло всё его состояние, сама жизнь и будущая власть, завязанная на фигуре принца. Он не позволит этой женщине разрушить его грандиозный замысел.

«Если нас прижмёт к стене, — глаза Люй Бувэя опасно сузились, когда в его голове созрело беспощадное решение, — придётся вырезать ребёнка прямо из её чрева»

От этой кровожадной мысли он резко замер на месте, удивлённый собственной жестокостью.

Люй Бувэй никогда не считал себя палачом. Для него люди были лишь товаром, ценность которого определялась выгодой. Ижэнь явно питал к Чжао Цзи нежные чувства, и по мере роста её живота эта привязанность только крепла бы. Пойти на убийство матери ради спасения её дитя — значит навсегда поселить в душе принца смертельную обиду и недоверие к своему покровителю.

Но почему же тогда эта тёмная мысль зародилась в его голове так легко, задолго до того, как ситуация стала критической?

Лицо Люй Бувэя потемнело. Он бросил долгий, тяжёлый взгляд назад, на ворота резиденции циньского заложника.

«Красота губит мужей. Древние воистину не лгали»

Пока Люй Бувэй просчитывал ходы на годы вперёд, Цинь Цзычу, дождавшись ухода покровителя, облегчённо выдохнул. Притворная покорность сменилась живой, искренней улыбкой.

«Прикидываться слабым и беззащитным — воистину безотказное оружие!»

Стоило разыграть нерешительность, как хитрый Люй Бувэй сам выложил ценнейшие сведения: кто в этой усадьбе заслуживает доверия.

Правда, новость о том, что юная Люйцяо на самом деле — глубоко законспирированная шпионка, оказалась неожиданной.

Впрочем, сейчас Цинь Цзычу волновало другое. Выяснить, кто «свой», а кого можно переманить на свою сторону, было делом важным, но бамбуковые свитки, которые обещал прислать Великий наставник, являлись для него вопросом жизни и смерти.

Будучи гостем из будущего, он совершенно не владел древней письменностью. Если современный китаец не увлекается каллиграфией или вырезанием печатей, для него стиль чжуаньшу — непостижимая китайская грамота. К несчастью, Цзычу к числу любителей каллиграфии не относился.

Проще говоря, в этом мире наследный принц великого царства Цинь оказался круглым неграмотным дураком.

«Какая горькая ирония»

Но стоило книгам оказаться у него, как план созрел сам собой. Он призовет к себе пару грамотных служанок для «совместного чтения», и тогда ни Чжао Цзи, ни Люй Бувэй ничего не заподозрят. Они решат, что молодой муж просто ищет утех на стороне, пока супруга носит дитя.

Для юноши его лет плотские слабости — идеальное прикрытие. Под этим предлогом он сможет в кратчайшие сроки освоить грамоту, научится читать донесения и письма, постигнет законы этого сурового века.

К тому же статус законного наследника, полученный благодаря усыновлению госпожой Хуаян, обязывал ко многому. Роль престолонаследника требовала высочайшего мастерства и знаний.

Он прекрасно понимал, что не является единственным выбором для бездетной супруги наследного принца.

Цинь Цзычу отдавал себе отчет: пусть он и не блещет талантами великих мудрецов, но оставаться неграмотным слепцом смерти подобно. Начни отец экзаменовать его из праздного любопытства — и трон наследника тут же уплывёт к кому-нибудь другому.

— Господин...

На пороге появилась Люйцяо. Она замерла, устремив на Цинь Цзычу преданный, сияющий взгляд, способный растопить любое мужское сердце.

На лице Цзычу отразилось нескрываемое восхищение. Он дружелюбно похлопал по циновке рядом с собой, приглашая её присесть:

— Люйцяо, иди сюда. Посиди со мной немного.

Девушка искала случая втереться к нему в доверие, но никак не ожидала, что принц, прежде не замечавший никого, кроме своей супруги, проявит к ней такую ласку. Её щёки мгновенно залил густой румянец, сделав юное лицо ещё милевиднее.

Семенящим шагом она приблизилась к ложу и робко опустилась рядом. Смущённая близостью господина, служанка опустила голову и не решалась заговорить первая.

Раз девица молчала, инициативу пришлось взять на себя. Молчание затягивалось, а допускать неловких пауз в игре было нельзя.

Как будущий владыка великого государства, Цинь Цзычу вовсе не собирался отдавать бразды правления в руки Люй Бувэя. Купец разглядел в нём «редкостный товар» вовсе не из милосердия. Рано или поздно тот потребует свою долю власти и земель, и тогда их пути неизбежно разойдутся.

Раз уж Люй Бувэй неосторожно упомянул о надёжности Люйцяо, стало ясно: эта девица докладывает покровителю о каждом шаге принца. Избавиться от неё сейчас невозможно, а значит, остаётся один путь — переманить шпионку на свою сторону.

Если ему удастся заставить девчонку влюбиться в него без памяти, она сама станет скармливать Люй Бувэю ту ложь, которую выгодно преподнести Цзычу.

Приняв решение, Цинь Цзычу протянул руку и мягко приподнял Люйцяо за подбородок. Вглядываясь в её лицо с притворной нежностью, он тихо спросил:

— Отчего ты так покраснелась? Неужто занемогла?

От этого жеста Люйцяо совсем растерялась. Одной рукой прижав ладонь к пылающей щеке, а другой подхватив подол длинного платья, она испуганно бросилась прочь из кабинета.

— Ах! Госпожа!

Испуганный вскрик Люйцяо эхом разнёсся по коридору. На самом пороге она натолкнулась на неожиданную преграду.

Сердце Цинь Цзычу пропустило удар. Он порывисто вскочил и выбежал следом, но лишь для того, чтобы увидеть Чжао Цзи. Лицо его супруги было залито слезами, а в широко распахнутых глазах застыло немое, сокрушительное обвинение: «Предатель!»

«Ну вот... Похоже, это и называется домашним пожаром»

Цинь Цзычу мысленно застонал от досады.

«Самое обидное, что я пальцем не прикоснулся ни к одной из них!»

<http://bllate.org/book/18277/1750269>